

Элис Вэй

Я в нас верю

УДК 82-3
ББК 84-4
В97

Вэй Э.

В97 Я в нас верю / Элис Вэй. – М.: Литнет, 2026. – 260 с.

ISBN 978-5-521-99098-6

Мне всегда казалось, что любовь похожа на майскую грозу. Врывается в жизнь без намеков и предупреждений, а потом проливается на голову крупными теплыми каплями дождя. Они падают на ресницы, стекают по лицу, касаются губ... Хочется чувствовать их каждой клеткой тела и растворяться, словно сахар в горячем чае. Но оказалось, что любовь умеет быть похожей на зиму – сперва заморозит все, потом заставит таять от чувств, как снежинки. По крайней мере, такой я чувствую свою историю.

Я всегда ждала любви. Нет, не так. Я жаждала ее, как глотка воды в самый жаркий летний день. Как выходных, после тяжелой недели. Как спасительной свежести посреди духоты. Но встретила ее в момент, когда совсем не ожидала. И, представляете, сперва прошла мимо?

Но обо всем по порядку...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99098-6

© Литнет, 2026

© Вэй Э., 2026

1. Первый снег

Декабрь редко приносит нам снег. Но я, как и все жители юга страны, жду его больше, чем новогодних подарков, зимних и даже летних каникул.

Три холодных месяца радуют нас редкими снежинками от силы день или два, и то не каждый год. Но раз в пару лет на улицы города укладываются сугробы, шиномонтажи ломаются от желающих экстренно переобуться, а центральная аллея укрывается белым одеялом. Кажется, только море принимает этот каприз погоды с безразличием – его волны то впадают в истерику, то поют колыбельную средь бела дня не зависимо от того, светит солнце, идет снег или льет дождь. Первый понедельник декабря стал тем самым днем, который решил обрушить белые осадки на наши головы.

Проснувшись утром, я по обыкновению не смотрю в окно – и мысли не приходит, что привычная серая зима украсит город падающими с неба снежинками. Да и видеть темноту не хочется – устала спотыкаться об нее каждое утро. Поэтому сугроб у входа становится для меня неожиданностью. В отличие от Гарри, рыжего спаниеля, названного в честь принца, увиденное меня радует. Поэтому, вопреки желаниям питомца, я цепляю на него ошейник, поводок и вытаскиваю на прогулку. Он явно не доволен моим поступком – тормозит, тянется обратно в дом и кривит свою милую морду так, как будто я ему предложила позавтракать чесноком.

Семь утра – крайне неприятное время, так что пса я не осуждаю. Темно, небо давит на веки и заставляет чувствовать себя Вием. Ледяной ветер напоминает, что мы живем у моря, а значит должны любить его и в горе, и в радости, и в декабре. Но снег, похожий на огромный матрас, накрывший землю, добавляет уюта спящей улице. Гарри сперва осторожно облизывает белый настил, потом недовольно дергает мордой, опасливо трогает лапкой сугроб и, наконец-то убедившись в безопасности, начинает радостно лаять на сугробы.

Выходим с ним со двора и, в попытках успеть за собачьей радостью, я на какое-то время даже забываю, что это утро не закончится завтраком на хрустящих белых простынях и еще парочкой часов сна. Вместо этого я должна буду на радость маме съесть кашу и поехать в школу во имя хорошего аттестата. Потому что когда ты учишься в десятом классе, никого не интересует, что ты не хочешь писать тест по истории и предпочитаешь вместо этого лучшие годы жизни проводить в радости, а не за школьной партой.

— Долго вы гуляли. — говорит мама, едва я открываю дверь дома, и чмокает меня в щеку. — Доброе утро.

Мы с Гарри и правда сегодня задержались. Это его первый снег в жизни — я не могла лишиться пса возможности поближе с ним познакомиться. И теперь он сидит довольный, виляя хвостом и игнорируя капаящие с длинных кудрявых ушей следы недавней прогулки.

— Привет. — отвечаю я, стягивая куртку. — Гарри пытался подружиться со снежинками, но у него получилось только их сожрать.

— Хороший мальчик. — мама улыбается и гладит наглую рыжую морду собаки. — Нина, покорми его и сама иди завтракать — чайник закипел, каша на столе. А я приведу его в порядок и вздремну еще пару часиков.

— А папа? — спрашиваю я.

— У него сегодня выходной, пусть поспит подольше. — с нежностью произносит она.

Обязанности по воспитанию Гарри мы с родителями делим между собой — я беру на себя утренние и вечерние прогулки, папа — почесывания за ухом перед сном. Маме же достаются все остальные заботы, которые, правда, иногда перепадает и на нашу долю.

Разуваюсь, бросаю ботинки на коврик у двери и, сунув ноги в любимые тапочки, прохожу на кухню. На столе меня уже ждет обещанная каша. Из чайника идет пар, словно он только что вышел на мороз и, как маленький ребенок, дышал и наблюдал как радость декабря растворяется в грядущей атмосфере первого урока. Усажи-

ваюсь за стол и с грустью принимаюсь за завтрак, мечтая вернуться в кровать и проваляться там еще несколько часов.

Минут через пять ко мне присоединяется Гарри, счастливый и с чистыми лапами. Пес садится у ног и выжидающе виляет коротким хвостиком. Наверняка он надеется, что на завтрак у меня бараньи ребрышки или на худой конец куриные крылья. Но я решаю не расстраивать его и не показывать овсянку, поэтому старательно игнорирую жалостливый взгляд и поскуливание моего вечно голодного друга. Хотя кто знает, может он, тезка одного известного британца, предпочитает именно ее, в пять часов пьет чай, а выходные проводит за игрой в поло.

– Нина, – зовет меня мама, – я тебя прошу, оденься сегодня тепло. Погода какая-то сомнительная. И обязательно возьми шарф.

Она стоит, облокотившись на кухонную столешницу, и смотрит на меня усталым взглядом. Да, не я одна мечтаю о сне.

– Мам, ну мне не восемь. – огрызаюсь я и тут же примирительно улыбаюсь, увидев, как она нарочито строго приподнимает брови.

– Не дерзи. – на ее лице появляется полуулыбка. – Все, я пошла, а ты ешь и собирайся.

Зевая, мама отправляется досматривать сны, а я, глядя ей вслед, завидую всем, кто может себе позволить не ходить в школу в такие редкие снежные дни. Уже три года она работает на фрилансе, а потому может позволить себе такую роскошь, как простое человеческое выспаться.

По образованию мама журналист и раньше была сотрудником городского интернет-портала – брала интервью, посещала светские мероприятия местного разлива, делала репортажи. Этот образ жизни был ей к лицу – стройная, высокая, с пышной шевелюрой медного оттенка, она явно украшала собой любое событие. Да и сама получала удовольствие от работы, что, как я уже успела понять, редко случается со взрослыми людьми.

– Катерина, ты снова чудо! – говорил ей обычно папа, когда она, стоя перед зеркалом, примеряла наряды для очередного мероприятия.

— Кость, я для тебя чудо даже в грязном халате. — смеялась она в ответ.

Потом что-то случилось — то ли деньги закончились у руководства портала, то ли еще что, в общем он закрылся, и мама осталась без работы. Сперва ей это нравилось — такая возможность больше времени проводить с семьей! Но быстро она начала гаснуть от скуки и тонуть в быту. В итоге заявила папе, что ее безработность плохо влияет на их отношения — как иначе объяснить то, что она наконец-то стала замечать брошенные у кровати носки и раздражаться?

Папа с ней согласился. Ему, как хирургу, проще было сделать сложную операцию пациенту, чем после смены выслушивать лекции о пользе убранных по местам вещей. Поэтому мама с радостью принялась за поиски работы, но, распознав прелести долго сна, оставилась на фрилансе и занимается теперь написанием текстов для разных сми не только нашего города, но и за его пределами. А свободное от этого время проводит со мной, с отцом или с подругами.

Под вечно голодным собачьи взором, я, зевая, разделяюсь с завтраком, натягиваю любимый белый свитер, вечные черные джинсы и отправляюсь в школу, по пути захватив Вику Михайлович — мою одноклассницу, соседку по парте и лучшую подругу с самого первого класса. К десятому мы пережили уже примерно две сотни ссор и примирений, прошли через ее первую любовь — Виталика Ястребова из 11Б, их расставание и прогулки мимо кабинетов, у которых он с друзьями торчал на переменах. Ну для того, чтобы Виталик понял, кого потерял.

Сегодня настроение у обычно доброжелательной Вики паршивое. Виной всему шапка, так неаккуратно приминающая выющиеся темные волосы. Блестящие, с аккуратными завитками и таким природным объемом, что никакие стайлеры не нужны. Они — предмет ее гордости и одновременно зависти у всех девчонок, проводящих каждое утро у зеркала с плойкой. Я такими экспериментами не увлекаюсь, однако в числе завидующих тоже присутствую — моя шеве-

люра отличается небывалой прямотой, а я – восхитительной ленью. Поэтому со смирением затягиваю волосы в тугой хвост и мечтаю однажды сделать такие локоны, чтобы звезды с неба упали от восторга.

– Вот мы придем, я сниму эту дурацкую шапку и все – голову как будто и не мыла! – бормочет под нос подруга, когда мы заходим в школьный двор.

Снег хрустит под ногами, призывая ценить его редкое присутствие, не по-зимнему яркое солнце слепит глаза. Мир, решивший, что сегодня понедельник, чудовищно несправедлив!

– Не прибежняйся. Вон у школы уже все выстроились, чтобы тебе комплиментов наделать. – льстиво отвечаю я и киваю в сторону школьников, бегающих по заснеженному двору в припадке радости.

Они играют в снежки, как будто звонок, приглашающий на первый урок, никогда не прозвенит. Старшеклассники смешиваются с первоклассниками, знакомые с незнакомыми, друзья с неприятелями. Кажется, первый снег объединяет людей лучше, чем единая цель. Если эта цель не еда, конечно же.

– Как думаешь, удастся пробраться незамеченными? – спрашивает Вика и, достав из кармана телефон, смотрит на время. Часы показывают без трех минут урок. – Или кто-то из этих снежных киллеров попытается нас подстрелить?

– Надеюсь, удастся, но на следующей перемене предлагаю принять участие в этой битве. А то, кто знает, когда еще она повторится.

Лавируя между летающими снежками, мы пробираемся по школьному двору, напоминаящему детский сад, большинство воспитанников которого уже ходят на свидания, бреются или готовятся к экзаменам. Но пробраться к крыльцу нам удастся без потерь – ни один участник этого ледового побоища не ранил нас своим снарядом.

– Ну что ж, могу считать нас победителями! – гордо говорю я и тут же чувствую мягкий удар по затылку. Оглядываюсь и вижу Виталика – парня, разбившего хрупкое сердце Вики. Он стоит метрах в двух от меня и расплывается в довольной улыбке.

– Прости, Архипова, метил в твою подругу! – кричит он.
– Придурок. – бурчу я и тащу Михайлович внутрь школы.
– И это был его победный бросок. – говорит нам вслед какой-то стоящий у прохода парень.

Оборачиваюсь, чтобы и ему сказать пару ласковых, но теряюсь, наткнувшись на взгляд карих глаз и легкую полуулыбку. Он оказывается достаточно высоким и, к моему большому сожалению, еще и симпатичным.

– И ты придурок! – громко произносит Вика, видимо, сообразив, что я в ступоре.

Незнакомец ничего не отвечает, а мы неосознанно ускоряем шаг.

– Кто он? – спрашиваю у нее по пути в гардероб. – Припоминаю, что раньше видела его где-то в коридорах, но в упор не понимаю, откуда он взялся.

– Да это новенький из класса Виталика, перевелся к нам в школу в начале четверти. Никита Новицкий, – говорит она. – Не помнишь разве? У нас же все девчонки от восторга прыгали. У него родители там какие-то классные, да и сам он как будто симпатичный.

– Но все равно придурок. – шепчу я, потирая затылок.

– Его сестра двоюродная, кстати, учится с нами в школе. – добавляет Вика.

– Да? – заинтересованно переспрашиваю я. – Кто она?

– Кристина Свиридова из 11А, ну ты ее знаешь. Она нам еще в начале года говорила, что ее брат переезжает и тут учиться будет. Странно, что не с ней в классе, а с этим... – Вика морщит нос, словно мысли о бывшем парне обладают неприятных запахом. – Ну все, пойдем скорее, а то мы уже почти безнадежно опоздали.

Кристина – главная красавица школы. Высокая, худая, длинноногая блондинка, купающаяся во внимании парней и похвалах учителей. Казалось бы, при всех этих вводных она должна быть одной из «Дранных девчонок» или местной Блэр Уолдорф, но ученики нашей школы, видимо, в прошлой жизни были настолько хороши-

ми людьми, что Крис досталась нам как огонек доброты. Прекрасно осозная все свои достоинства, складывается впечатление, что она не стремится использовать их себе во благо, а другим во вред. Кристина не собирает королевскую свиту, как это обычно показывают в фильмах про старшую школу, не меняет парней каждую перемену, не строит козни соперницам, да и в целом, кажется, не соперничает ни с кем. При этом она обладает каким-то негласным авторитетом – к ее мнению спокойно прислушиваются как другие ученики, так и учителя.

Уже сидя на уроке, в промежутках между обдумыванием вопросов теста и сожалениями о том, что не учила, вспоминаю, как Кристина и правда когда-то обмолвилась, что ее двоюродный брат скоро пополнит ряды учеников нашей школы. Я тогда не придавала этому значения, да и не придавала бы и сейчас, если бы не возникшая обида... Нет, мне абсолютно все равно на то, что Виталик, играя в снежный морской бой, ранил мой затылок – от него я давно не жду ничего хорошего. Но мысли о том, что новичок поддержал его в этом, неприятной слизью стекают по моей голове. Надеюсь, они не близкие друзья, иначе и этот парень в моих глазах опустится на уровень дна – поближе к Виталику.

Ястребов и Вика начали встречаться прямо на сентябрьской линейке в прошлом году. Она была влюблена в него с седьмого класса, о чем естественно молчала, свято оберегая свою сердечную тайну от общественности. О чувствах, с которыми она жила, знала только я и, наверное, плюшевый медведь, в которого она иногда рыдала, не получая взаимности от Виталика. Он старательно не замечал ее взгляды, краснеющие щеки и проблемы с речью, резко начинающиеся, когда он оказывался рядом – она будто бы забывала, что умеет разговаривать и, благодаря своей любви к литературе, обладает неплохим словарным запасом.

А потом купидон сжалился и пустил свою стрелу в сердце Виталика на той самой линейке... Тот тянуть не стал – после меро-

приятия отвел Вику в сторонку и заявил, что с этого момента они вместе. Она растаяла так же быстро, как это делает снег на нашем юге. И пустилась в череду свиданий, переписок, поцелуев под школьной лестницей. Целый год все было хорошо – учителя умилялись, видя, как они держатся за руки, девчонки завидовали нежности и романтичности, которую эти двое источали, а некоторые парни просто хотели оказаться на месте Виталика, потому что Вика, как обладательница стройной фигуры с тонкой талией, больших карих и всегда чуть грустных глаз, нравилась многим из них.

Глядя на этих двоих, я только укреплялась в своей вере в любовь. Они не ругались, не спорили, а держались за руки, источая флюиды счастья. Хотя теперь я думаю, что репутация идеальной пары держалась только на Вике, потому что Виталик оказался тем еще козлом.

Закончилось у них все так же резко, как и началось. И тоже на школьной линейке, выпускающей нас в десятый класс. Я при этом не присутствовала, потому что умудрилась слечь с температурой аккурат 30 августа.

– Он просто подошел ко мне, – рассказывала мне потом Вика, захлебываясь в слезах и утопая в растекшейся туши. Она пришла меня проведать и поплакать от несправедливости и горечи первой любви, – и сказал, что мы больше не вместе. Представляешь?!

– И ничего не объяснил? – спросила я, протягивая ей упаковку бумажных носовых платков, изначально предназначавшихся для моего насморка. Подруге они явно были нужнее.

– Нет. И уже везде удалил совместные фотографии! Сказал, что на звонки и сообщения отвечать больше не будет. – Вика разразилась очередной порцией рыданий.

Она долгое время пыталась найти причину в себе, проводя раскопки в сердце. Но логика – ее и моя – упрямо твердила, что ничего она там не обнаружит. И правду мы узнаем только если Виталик сам когда-то решит объясниться. Но он, конечно же, и не собирал-